

Он тяжело страдал от того, что они теперь сидели не вместе, хотя в утешение его наградили лучшей соседкой из всех возможных. Света Воропаева. Первая ученица класса, первая же, как положено, красавица. Девочка с золотыми волосами, капризная куколка, обеспечивавшая бесперебойные поллюции всей мужской половине 8 «Г». У нее был особый, из Прибалтики привезенный фартур, очень изящный, с большими крыльями из черного вдовьего газа, которые она вечно поправляла ловким передергиванием плечиков. Как дворянка блохастая, честное слово. Он, единственный свободный от морока, видел Воропаеву такой, какая она была на самом деле — тощая, нескладная, белесая девица с выпуклыми и пустыми, как у котенка, глазами. Золотые локоны, обвившие столько сердец, были двумя жидкими косицами, не очень удачно прикрывавшими оттопыренные уши. Как-то раз она дотронулась до него, пододвигая толстенный учебник литературы — влажная, словно надутая, сизоватая клешня. Он дернулся от отвращения, и Воропаева, расценившая эту дрожь самым приятным для себя образом, победительно улыбнулась. Они были пара. Два лучших в классе ученика. Идеальная комбинация для стапсусной случки.

Валя, задвинутая на камчатку, на самые отдаленные от роти класса, отчаянно ревновала, даже ревела от злости. Их отношения словно обрастали стремительной плотью — вспухший крупный рот, носик, наливающий нежной прозрачной краснотой, вздрагивающие плечи, удивительно хрупкие. Будто живая бабочка под пальцами. Он обнимал ее — дружески, она враждебно отклонялась, и воздух от этого мгновенного прикосновения трещал от почти видимых электрических искр. Отстань, нечего! Или Светочку свою лапай ненаглядную! Он тряс головой оскорбленно, словно ему предлагали полакомиться из помойного ведра. Они торопливо мирились и снова отправлялись бродить по городу, подгоняемые временем, которого становилось все меньше и меньше, словно окончание восьмого класса должно было стать для каждого финальным рубежом, конечной станцией, за которой не будущее, а смерть. Теперь

он хотел умереть не без нее, а за нее. Огромная разница. Четырнадцать лет — это не двенадцать.

Доруле. Еще одно слово. Не переводится. То, что я люблю и жалею больше всего на свете. То, что больше и лучше меня самого.

Переходные экзамены он сдал на отлично. Круглые пятерки. Он и Светка Воропаева закончили первыми в потоке. Валя, едва прохрамывая по этой сословной лестнице, отнесла свои скромные документы в профессионально-техническое училище номер восемь. Буду шпукатуром, как мамка. Зравствуй, грусть.

На матале по этому поводу устроили огромный и шумный праздник — с фаршированными перцами, крошечными голубцами, плотно запеленутыми в виноградные листья. Еще одно слово — сэрмале. Тарелки на столе стояли в два ряда — как на свадьбе. Жареная свинина мирно соседствовала с кисло-сладким жарким из баранины, которое надушила тетя Мина. Впервые магала встретила его с холдом. Веселое, щекотное слово «женишок» не летало больше над столом, никто больше не хлопал его по плечу и не предлагал стакан вина. Все теперь были взрослые, все понимали — и они с Валею тоже. Тогда он плесканул себе сам — не забавляя, синего, густого, а потом еще мутно-белого, из шашлы, которая росла тут же, первобытно сорничая с бусуйком за место под простодушным и толстым кишиневским солнцем. Валя посмотрела сочувственно и взяла его под столлом за руку — ладонь у нее была все такая же, маленькая, горячая, твердая. Хотя что-то не менялось в медленном кружащемся мире. Хотя что-то в нем было навсегда.

Домой он вернулся заполночь, уже даже не пьяный, вообще никакой, небелковая форма существования тел. Мама плакала, придерживала его голову над унитазаом. Какой ужас! Ужас! Отец, ну скажи хоть ты! Ему же всего четырнадцать лет! Нашатырю разведи ему лучше, — посоветовал отец, седые прусы из черного сагина, крепкие ноги, никакого пуза. Полковник на генеральской должности в сорок лет. Пусть протрезвеет немного, поспит, а завтра поговорим.